

Через тернии – в загс!

Алина
Кускова

комедийный любовный роман

Алина Кускова

Через тернии – в загс!

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165723
Кускова А. Через тернии – в загс!: Роман: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-23464-6

Аннотация

Алла Хрусталева влюбилась в своего работодателя. Ну и что – таких влюбленных у нас миллионы. А потому шансов на взаимность было мало. Зато соперниц в борьбе за прекрасного Максима не счесть. И особенно опасна роскошная красавица Элла, генеральный директор фирмы. Сдаваться Алле не хотелось. Однако есть ли у простой приемщицы заказов хоть какие-то шансы разбить, собрать и использовать по назначению сердце шефа? Шанс небольшой – пустить в ход броневойное чувство юмора...

Содержание

Вместо предисловия	4
Глава 1	8
Глава 2	32
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алина КУСКОВА

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ – В ЗАГС!

Вместо предисловия

Он стремительно входил в лифт, она бежала за ним, огибая углы и расталкивая сослуживцев. «Нужно было выйти из дома пораньше! – стучало в висках Аллы. – Нечего было уступать последнее место в маршрутке старой кошелке с внуком!» Она влетела в лифт, двери за ней закрылись. Он и она, и только вдвоем! Емельянов поглядел на нее с нескрываемым любопытством и поинтересовался, не свободна ли она сегодня вечером. Свободна ли она?! Да как он только может об этом спрашивать?! Для него она свободна всегда! Алла заявила об этом вслух, но он нисколько не смутился, а страстно прижал ее трепещущее тело к своему. Призывно и волнующе глядели его карие глаза. И вдруг он резким движением откинул Аллу от себя. Ее аппетитная грудь третьего размера вздыбилась, совершенно неприлично обнажая дорогое нижнее белье. «Как удачно Татьяна посоветовала мне его купить!» – пронеслось в голове у Аллы, и она обняла Максима за шею. Откуда-то донеслись звуки танго, и он снова отбросил ее к противоположной стенке лифта.

Алла не растерялась и включилась в его игру. Одной ру-

кой нажимая на кнопку остановки кабины, другой она принялась расстегивать блузку. Пусть увидит все, что скрыто! Ей есть, чем гордиться, несмотря на свои почти сорок. Максим впился в нее жадным взором, следя за каждым движением. Алла сбросила блузку и под звуки чарующей музыки покрутила ею у себя над головой. Максим одним движением освободился от пиджака. Алла взялась за юбку. Танго продолжало распалить любовные страсти на ограниченной территории офисного лифта. Изящный бюстик с треском растянулся под его тонкими пальцами, и возбужденный Максим в ритме танца привлек Аллу к себе. Одной рукой срывая с него галстук, другой она жадно шарила по его мускулистому телу. Дошла очередь до ремня на брюках...

Неожиданно двери лифта разошлись, и изумленной публике предстала жуткая картина: новый начальник со спущенными штанами и его подчиненная, Алла, практически в одних чулках стояли в совершенно недвусмысленной позе...

– Какой ужас! – охнула главный бухгалтер Валерия Витальевна. – Ничего подобного не видела.

– Еще бы! – нагло ответила Алла, скидывая ногу с начальника. – Кому ты нужна, старая мымра!

– До чего же ты опустилась, Аллочка! – воскликнула менеджер отдела закупок Татьяна.

– До нашего начальника! – заявила Алла и потрепала милый ежик Максима.

– Нет, ну бабы дают! И где? В лифте, никогда бы не по-

думал! – восхищенно пробормотал начальник производства Тимошкин. – А какие... а какое... а какая! – Он бесцеремонно разглядывал Аллу.

– Да, я такая! – с вызовом бросила Алла и послала Тимошкину воздушный поцелуй.

– Я всегда знал, что вы, Аллочка, необыкновенная, способная на безумные поступки женщина! – Виталик Семенов присел на одно колено и склонил перед ней вихрастую голову.

С Валерией Витальевной случился сердечный приступ, и ее унесли в ближайший кабинет.

– Да мы, собственно, обсуждали рекламную акцию, – невозмутимо сообщил собравшимся Максим. – С Аллой Викторовой, как с самым ценным сотрудником нашей фирмы.

– Понятно, понятно, – закивал головой Тимошкин. – А можно, завтра и я с ней что-нибудь обсужу?

– Нельзя! – Максим пригрозил пальцем и набросил на Аллу пиджак.

– А мне можно с вами, Максим Леонидович, обсудить тет-а-тет последний проект? – подала свой хитрющий голосок Машенька из рекламного. – Я, вроде, как-то в теме. – И хищно оскалила свои молодые белоснежные зубки.

– Нельзя! – закричала Алла, защищая собой Максима. – Я сама! Сама с ним все обсужу, обсужу!

– Да не волнуйтесь вы так, Аллочка, – успокоила ее убор-

щица Вера Ивановна, мотыляя грязной тряпкой в пустом ведре, – это же всего лишь сон!

– Как сон?! Какой сон?! – Алла принялась озираться, с удивлением глядя на то, как один за другим исчезают сотрудники фирмы «Меченосец». – Стой! Не отдам! Мой! – Она ухватила исчезающего Максима за руку и потянула к себе. – Мы еще не дообсуждали! – Но его мужественный профиль беззвучно пошевелил губами и исчез в потолке кабины лифта. – Не может быть! – закричала Алла, и... проснулась.

– Не может быть, – сказала она самой себе, поглядела на часы и поплелась умываться.

Глава 1

Настоящая женщина: родила дочь, сломала дом, вырубилa деревья

Он стремительно вошел в лифт, а она застряла в проеме кабины, пытаясь выбраться. Толпа сотрудников разных офисов отрицательно восприняла ее стремление плыть против течения и втиснула назад. До девяти часов утра оставались считанные секунды, а у многих из них были строгие начальники. У нее тоже был начальник, и теперь он стоял почти рядом с ней и дышал в затылок. От него исходил бодрящий аромат дорогой туалетной воды и странный запах одинокого мужчины. Этот запах женщины определяют безошибочно, каким-то десятым чувством. Впрочем, чтобы догадаться об истинном семейном положении шефа, достаточно было поглядеть на его пальцы, которые знать не знали, что такое обручальное кольцо.

Алла уставилась на его руку, сжимавшую кожаную папку. Никаких украшений – вот рука настоящего мужчины. Белая сорочка, строгий костюм в мелкую полоску, очень актуальную в этом сезоне. Он следит за модой сам или ему помогает какая-то женщина? Узконосые ботинки, интересно, какой у него размер домашних тапок? А как ходят начальники дома? В полосатых костюмах или пижамах? А что под пижамой?

У него, наверняка, отличная мускулатура. Вчера он сказал ей, направляясь к выходу: «Будут меня искать, я в тренажерном зале». Нужно записаться туда же на пару занятий, чтобы подкачать мышцы груди. Или нет, убрать целлюлит или подобрать живот. Да какая разница, что делать, главное, поглядеть, чем там занимается он. Алла представила, как ее шеф качает мускулы здоровенной штангой. Капли пота стекают по его рельефному загорелому телу, но он не обращает на это никакого внимания. Вот эта рука вместо кожаной папки держит штангу... Ей отчего-то захотелось потрогать или хотя бы прикоснуться к Емельянову.

Лифт сделал последнюю остановку на девятом этаже, и остатки толпы высыпали наружу.

– Выходите? – поинтересовался Емельянов, глядя на Аллу, как на пустое место. Она кивнула и кротко пошла следом за ним.

Конечно, она могла сказать, что собирается ехать дальше, на крышу к Карлсону. Но он бы не оценил ее шутку, поскольку Карлсон – толстый мужчина в самом расцвете сил и возможностей – был их постоянным клиентом и пожирал печенье с вареньем не хуже своего сказочного тезки. Ну вот! Алла вспомнила, что из-за своего дурацкого сна забыла забежать в булочную за сладостями для шведа, который должен был приехать сегодня и подписать договор на крупный заказ. Вчера шеф сказал ей не только про тренажерный зал, он напомнил ей и о печенье. Алла круто развернулась и побежала

назад к лифту. По пути она перехватила довольный взгляд Машки из рекламного отдела, напоминающий ей каждый раз о том, что секретарша должна уже сидеть за своим рабочим столом, когда руководство приходит в офис. Но Алла не секретарша, она до недавнего времени была приемщицей заказов. И если Машка хочет, то пусть сама занимает ее место в приемной и кормит шведа чем попало. А тот, между прочим, разрешает Алле называть его просто Улей и строит ей глазки. Плюнуть на все, выйти за него замуж и махнуть к черту на кулички. Пусть он не такой стройный, как Емельянов, но с ним, по крайней мере, не скучно.

Жалко только Аленку и домик бабушки в деревне. Алла, как настоящая женщина, сделала в своей жизни три необходимые вещи: родила дочь, сломала дом и вырубилa деревья. Теперь на этом пустыре в четыре сотки они собираются строить двухэтажную дачу. Честно признаваясь самой себе, Алла прекрасно понимала, что основную массу работ придется выполнить Аленкиному жениху Антону. Он, конечно, бугай, каких еще поискать, но и ему потребуется помощь. Если она выйдет замуж за шведа, то дом они построят точно. И бабушка с небес, уронив слезу, порадуеться за них. «Решено, – подумала Алла, – выйду за шведа».

Путь к сердцу шведа лежал через печенье курабье и абрикосовое варенье. Как Сивка-Бурка проскакав по всем окрестным магазинам, она нашла более-менее свежее печенье и приличный джем. Вернувшись назад, она встрети-

лась с косым взглядом Емельянова, восседавшего за ее столом. Буркнув что-то несуразное про постоянные телефонные звонки, тот исчез в своем кабинете. Алла разобралась с продуктами и принялась за почту. О каких звонках говорил начальник, поначалу было совершенно непонятно. Ясность наступила через несколько минут, когда скрипучий старческий голос потребовал установить ей в спальне металлическую дверь.

– Это фирма «Рогоносец»?! – негодовала старушенция. – Срочно присылайте мастера для замеров! Жизненно необходима бронированная дверь в спальню, невестка надумала свести мои счета с жизнью.

За те пять лет, которые Алла просидела в этом офисе, принимая заказы на металлические конструкции, ей приходилось сталкиваться с разными индивидуумами. Но старушке требовался, скорее, участковый милиционер или врач. Возможно, оба в одном флаконе. Прежний начальник разрешал Алле грубить, но от этого можно было ожидать чего угодно. Не было никакой гарантии, что он не выскочит сейчас из своего кабинета и не прикажет ей заниматься со старой дамой психоанализом. Стратегия фирмы заключалась в том, чтобы удовлетворять пожелания каждого клиента – как крупного, так и мелкого индивидуального заказчика. Заказчик, точнее заказчица, тем временем брызгала слюной в трубку и изрыгала проклятия на голову своей невестки. «Никогда не выйду замуж за мужчину, у которого будет мать!» – заключила

Алла.

Однако в ее возрасте найти полного сироту было сложно. Особого выбора уже не было, приходилось довольствоваться тем, что осталось после других. Но Алла оказалась настолько привередливой, что довольствоваться остатками не хотела, пребывала после развода с первым, и пока единственным, супругом в гордом одиночестве. Не считая дочери и иногороднего Антона, физически проживающего вместе с ними.

Пожелав старушке хорошенько подумать и посоветоваться со специалистами-пожарными: не заклинит ли металлическую дверь, если ее подожгут с обратной стороны, и тогда придется спасаться через балкон, Алла положила трубку. Практически психологическая обработка клиента. Если завтра клиент созреет, то она оформит заказ, спустив его в бухгалтерию. Валерия Витальевна терпеть не могла индивидуальные заказы, от которых было мало толку и денег. Она считала, что, размениваясь по мелочам, фирма не только не поддерживает свой имидж, но и вредит себе. Особенно большой вред наносится работникам бухгалтерии, которым приходится обсчитывать единичные заказы. Вот совсем другое дело – бизнесмен Карлсон, он занимается небольшими строительными подрядами, зато заказы делает всегда значительные. Алла представила недовольную физиономию главного бухгалтера и улыбнулась. Отчего-то сразу захотелось оформить старушке заказ на внутрикомнатную дверь из пуленепробиваемого сплава.

Вышедший из кабинета Емельянов застал на лице Аллы жуткую улыбку и содрогнулся. Как ему показалось, именно с таким выражением полинезийские туземцы когда-то съели Кука. Алла очнулась, поглядела на шефа просветленным взором и поинтересовалась временем приезда шведа.

– А вам зачем? – сварливо ответил вопросом на вопрос тот, пронзая ее своими карими глазами, словно уличая в чем-то неприличном. Знал бы он, что она вытворяла с ним в лифте в собственном сне, небось, умер бы от сердечного приступа!

– Я должна приготовить ему кофе с печеньем, – холодно заметила Алла, опуская глаза на бумаги.

– Можете начинать, – сказал Емельянов и направился к выходу.

– Так он уже едет?! – не сдержала радости подчиненная.

– Он?! – Емельянов развернулся и пристально поглядел на нее. – Он – не знаю. А я приеду через полчаса. Надеюсь, вы заботитесь не только об иностранцах.

Как только шеф вышел из комнаты, Алла побежала к Татьяне.

– Нет, ты представляешь! – жаловалась она подруге. – Он назвал меня интердевочкой. На что он намекает, я не знаю, но с его стороны это просто неприлично.

– Неприлично показывать постороннему мужчине свою заинтересованность этим шведом, – резонно заметила Татьяна. – Мне кажется, он ревнует. Не в том смысле, что он

ревнует тебя как женщину, а как сотрудника, вместо начальника предпочитающего клиента.

– Сама-то поняла, что сказала? Никого я не предпочитаю. Некого предпочитать. Теперь вот выясняется, что и Карлсон не придет, а я все утро за печеньем бегала. Татьяна, неужели меня нельзя ревновать как женщину?! Конечно, я не считаю себя раскрасавицей, но просто по-человечески обидно.

– По-человечески обидно за твою голову, которая думала о чем угодно, только не о парикмахере.

– В этом дело? – Алла подошла к зеркалу и принялась изучать свое отражение. – Если только из-за шведа пойти и сделать креативную стрижку. Приедет же он когда-нибудь. Слушай, подруга, мне сегодня приснился удивительный сон. Пересказывать не буду, ты умрешь со смеху. Скажу только одно – в нем была сплошная эротика. К чему бы это, как ты думаешь?

– К Аленкиной свадьбе, – отчеканила Татьяна, – сколько можно жить гражданским браком? И кто его только придумал, этот гражданский брак?! Я бы на твоём месте гнала бы в шею этого Антона.

– Он мусорное ведро всегда выносит, – с тоской в голосе произнесла Алла, – за хлебом бегает. Хороший мальчик, а нам с Аленкой так не хватает мужских рук. К тому же это она не хочет официальной регистрации, говорит, что ей еще рано, и он ее в этом поддерживает. Чего они ждут, не знаю?

– Спать с мужиком не рано, а выходить за него замуж

рано! Вот они, современные нравы. Они ждут того момента, когда ты съедешь к любимому супругу и освободишь им жилплощадь.

– Татьяна, о чем ты говоришь?! Я к нему не вернусь, столько лет прошло, да к тому же у него семья.

– Я говорю не о твоём бывшем, а о будущем муже. Шведе или о ком-то другом, сама разбирайся. Нечего в брошенках засиживаться. Скоро внуки пойдут, совсем обабишься. Видела нашу генеральную? – Алла покачала головой. – Приезжала утром к Емельянову. Бабе точно за сорок, а как выглядит!

– Я за печеньем бегала, – Алла пожалела о том, что пропустила такую встречу. Значит, к начальнику приезжала генеральный директор объединения, одним филиалом которого является их скромная контора. Интересно было бы поглядеть на эту бизнесвумен. Что она у них делала, бумаги проверяла?

– Она из кабинета Емельянова не вылезала, – сообщила Татьяна. – А когда вышла, у того на морде лица была ее помада. Так что, милая, плюй на эротические сны и своего босса, он уже занят. Жми на шведа. Если что сорвется, то знай, у моего Толика есть холостой приятель. Мужичок с ноготок, но зато не употребляет, деньги носит в дом. Не будь эгоисткой, освобождай квартиру детям.

Алла никогда не считала себя лишней в собственной двухкомнатной квартире, которую однажды двадцать лет назад

молодой семье презентовало государство, в те времена еще делавшее такие щедрые подарки. Правда, супруг в новой квартире не задержался, как только родилась Аленка, он слинял к своей старой любви, с которой счастливо проживает до сей поры. Нет, Алла его не винила. Это она воспользовалась моментом и разбила временно поссорившуюся пару. Ей очень нравился высокий, стройный, симпатичный инженер Хрусталеv. Аленка – вся в него, от парней не было отбоя, пока она на первом курсе института не привела в дом Антона, которому не досталось места в институтском общежитии. Поставила мать перед фактом, а та даже не стала сопротивляться. Все восемнадцать лет они жили с дочерью душа в душу, как две сестры. Аленка росла умной девочкой, проблем с ней никогда не возникало. Из Антона тоже не стали делать проблему, за что Татьяна, подруга и коллега по работе, всегда корила мягкотелую Аллу.

Алла набрала домашний номер и позвонила дочери с зятем:

– Алюш, встали, покушали? А что делаете? Готовитесь к сдаче курсовой? А почему Тоша орет, как резаный? Не хочет чистить картошку? А, готовишься ты, а он занимается обедом. Понятно. Нет, я на обед не приду, перекушу в кафе с Татьяной. Алюш, ты мне честно скажи, вам как там без меня? Отлично? Просто супер, значит. Ага, понятно. – Алла положила трубку и задумалась. Действительно, дочь призналась, что им без нее «просто супер». Придется жать на шве-

да, не знакомиться же с мужичком с ноготок. Она пока прекрасно выглядит, если сегодня успеет в парикмахерскую, то будет еще сногшибательнее. Жаль, что не видела генеральную директоршу, врага нужно знать в лицо. Алла поймала себя на том, что подумала о той как о сопернице. Значит, Емельянов не идет у нее из головы. Алла подперла кулачком щеку и немного помечтала.

Сколько ему? Ах, да, она узнавала в бухгалтерии, которая является по совместительству отделом кадров, что ему тридцать семь. Она старше его на пару лет. Для мужчины и женщины это не разница. Валерия Витальевна держала в руках его паспорт, в нем ни одного штампа о браке. Хотя, в наше время можно потерять этот ценный документ, а после того, как выдадут новый, полностью проигнорировать эту запись. И никто за это не накажет. Личного дела генеральной в бухгалтерии не было, приходилось верить Татьяне на слово, что той слегка за сорок. Алла ее младше, значит, у нее больше шансов. Но, следуя этой теории, Машка вообще вне конкуренции. Нет, Емельянов не должен реагировать на возраст. А на что тогда? На внешность? Алла потерла пальцами виски, нужно обязательно увидеть эту директоршу и выяснить, какие женщины ему нравятся. Возможно, еще не все потеряно. Ведь она же прекрасно видела, как он посмотрел на нее в самый первый раз, когда приехал знакомиться с коллективом. Алла тогда даже покраснела, на нее давно так никто не смотрел. Даже Эдик из архитектурного бюро, с которым она

рассталась полгода назад. Правильно, Емельянов на нее посмотрел заинтересованно! Эротические сны не снятся на пустом месте. Они берутся из головы, которая только и думает о новом начальнике.

– Я у себя, – он возник перед ней неожиданно, – если придет Тимошкин, пусть проходит сразу – Алла подняла глаза и внимательно поглядела на его лицо. Ни одного красного мазка, он все стер, или эта стерва пользуется бледной губной помадой. – И передайте коллективу мою просьбу, Алла Викторовна, после обеда никуда не расходиться. Приедет знакомиться госпожа Королева, наш генеральный директор.

Он все еще путает ее с секретаршей. Ну и пусть, зато теперь она в курсе всех событий. Значит, Алла все-таки ее увидит. Часа обеденного перерыва совершенно недостаточно, чтобы сделать креативную стрижку. Она должна выглядеть на все сто! А еще лучше на все двести!

– Максим Леонидович! – закричала Алла вслед начальнику. – Мне нужно опоздать с обеда!

– Это обязательно? – Он обернулся на пороге и уставился на нее немигающим взглядом.

Алла выдержала этот магнетический взгляд удава в человеческом облики:

– Вопрос жизни и смерти, – прохрипела она. Емельянов качнул головой, пожал плечами и исчез в своем кабинете. – Ольга! – Алла звонила приятельнице. – Организуй мне срочно стрижку. Вопрос жизни и смерти, у меня на все про все

только час, и начинается он через пятнадцать минут.

Приятельница оправдала ее ожидания. Хотя от часа осталось всего сорок минут, Алла уже сидела в кресле, и мастер, длинноногая девица с унылым выражением лица, интересовалась, как ее стричь. Алла посмотрела на ее волосы и прикинула, насколько глупо она будет выглядеть с такой же торчащей в разные стороны прической. Девица поймала ее взгляд, пояснила, что на кудряшках Аллы эта стрижка будет смотреться так же, если только их безжалостно выпрямить, и принялась за дело, гнуся о том, что без креатива на голове сегодня ходят только провинциальные лохушки. Алла ей полностью доверилась – меняться так меняться. Тем более что другого выбора не было, не было и времени что-то выбирать.

Результат превзошел все ожидания, Алла не узнала себя в зеркале.

Вместо милых легкомысленных кудрей голову украшали разноцветные пряди прилизанных волос. Смотрелось это чудо современного парикмахерского искусства умопомрачительно. Аллочку можно было легко перепутать с дочкой, которая соорудила у себя на голове нечто подобное. К тому же теперь ей можно было дать не тридцать, а только двадцать восемь. После сорока лет возраст женщины, которая следит за собой, отсчитывается в обратном порядке. Девица довольно хмыкнула и подмигнула Алле.

Сетую на то, что она не поверила сну и не надела новый

бюстик с прозрачной блузкой в тон, Алла шагала по коридору своего офиса. В кабинетах никто не ругался, не хихикал и не сплетничал. Значит, все уже собрались в кабинете шефа и ждали генеральную. Алла стукнула в знакомую дверь, толкнула ее и увидела, что ждали не директрису, та уже сидела на емельяновском месте. Ждали ее. Стон восхищения, упования и экстаза раздался сразу, как только Аллочка, испросив разрешения, зашла в кабинет.

– Извините за опоздание, – пролепетала она, не сводя глаз с холеной блондинки, восседающей на начальственном кресле. – Задержалась. Но я предупреждала, – и она указала на Емельянова, сидящего рядом с госпожой Королевой. Тот покраснел, что-то буркнул в свое оправдание и потупил глаза.

– Ничего страшного, – ядовитым голосом произнесла блондинка, – видно, дело было неотложное.

– Да уж, – тут же встряла Машка, – очень уж видно. Это неотложное дело так и бросается в глаза.

Алла не стала вступать с ней в прения, тихо прошла и села на свободное место. Директриса выдержала паузу и продолжила, разглядывая вновь прибывшую:

– Повторю для тех, кто отсутствовал. Меня зовут Эмма Олеговна Королева, я генеральный директор объединения, которому теперь принадлежит ваша фирма. Но запоминать мое имя совершенно не обязательно, – Королева ехидно улыбнулась. – Ваш непосредственный начальник Максим Леонидович Емельянов. Здесь он будет решать все вопросы,

в том числе и связанные с опозданиями на рабочее место.

Аллочка сделала вид, что последние слова директрисы ее совершенно не касаются. Для пущей убедительности она положила ногу на ногу и принялась раскачивать свою туфлю, демонстрируя окружающим полное спокойствие. Туфли достались Алле по наследству от дочери, когда перестали «пищать» вместе с модой. У Аленки нога была на размер больше, но матери приходилось с этим мириться, не тратить же на новую обувь. Пара нервных качаний – и разношенная лодочка слетела с Аллочкиной ноги. Сделав красноречивый пируэт под потолком, она спикировала на начальственный стол. Емельянов успел перехватить обувку перед самым носом блондинки и сунуть ее в свой карман.

– М-да, – сказала госпожа Королева, пронзая злым взглядом Хрусталеву.

– Ничего страшного, – пробурчал Емельянов, запихивая туфлю поглубже.

– Ой! – нашлась что сказать Алла и очаровательно улыбнулась. Можно было не сомневаться, что госпожа Королева запомнила ее на всю оставшуюся жизнь. Но раз она сама утверждала, что здесь хозяин Емельянов, значит, увольнение Алле не грозит. Вон как он ловко спрятал ее туфлю и сделал вид, будто обувь летает по его кабинету с устойчивой периодичностью каждый божий день. Потрясающий результат от одного посещения салона парикмахерских услуг. Завтра нужно будет пойти и нарастить ногти. Отныне она

будет кусаться и царапаться за Емельянова, раз тот к ней явно равнодушен.

Разочарование наступило после того, как все сотрудники вышли из кабинета. Там остались Королева и Емельянов, который перед этим успел сунуть Алле ее потерю. Она не смогла себя сдержать и, наскоро разбавив быстрорастворимый кофе кипятком, схватила поднос, две чашки и ринулась назад в кабинет.

– Кофе! – сообщила она и проглотила остальную часть фразы, которую намеревалась озвучить.

Емельянов с Королевой стояли у окна и... целовались. Вернее, а Аллочка это заметила точно, это госпожа Королева впиалась своими намалеванными губищами в Емельянова, а тот постарался от нее освободиться, услышав Аллу. Она прошла к столу, поставила на него чашки, взгромоздила вазочку с курабье на бумаги и потопала обратно. То, что хотела, она получила сполна. Татьяна была права, они точно любовники.

– Но она выглядит на все сорок пять! – переживала Алла в соседнем кабинете.

– Возможно, – вздыхала Татьяна, – ему нравятся престарелые красотки, облеченные властью. Наверняка, Емельянов – протеже Королевой. Она поставила начальником своего любовника. Очень дальновидно для зрелой женщины. Везде – свои люди.

– Ты думаешь, у нее и в других фирмах любовники?! –

всплеснула руками Алла, подозревая Эмму в коварстве и легкомыслии. – Она его просто использует! А он, бедный и несчастный, ничего не может поделать, потому что полностью от нее зависит. Его нужно спасти, – решила она.

– От чего его спасти? – не согласилась с ней Татьяна. – От любви? Вполне возможно, он потерял из-за нее голову и не может без нее жить. Согласись, Королева очень привлекательная женщина. Конечно, возраст не скроешь, но мы тоже не девочки. Мужчинам нравятся холеные красавицы. Вот что ты сделала на своей голове? Где гламур? Где динамика чувств? Все прилизано и измазано.

– Ничего ты не понимаешь, это креатив. Полет фантазии. Аленка говорит, что он сейчас «пищит». К тому же измазано пенкой, а не краской. И зря ты так, всем понравилось, что я помолодела. Скажи честно, я ведь выгляжу гораздо моложе Королевой? То-то.

– Все равно я не советую тебе с ней тягаться, – не соглашалась Татьяна. – Лучше жми на шведа.

– Где он? Его нет. Карлсон улетел, но обещал вернуться. Эх, Синицына, ты даже не представляешь, как классно Емельянов танцует танго! – Алла подхватила вентилятор на длинной ножке и закружилась в ритме танца, подпевая самой себе. Когда она высоко до неприличия задрала юбку, прижав к груди вентилятор, дверь распахнулась, и вошел Емельянов.

– Я, это, – пробормотал он, разглядывая выставленные на-

показ конечности Хрусталевой. – Я тут подумал, может быть, вам выписать премию? – И он перевел глаза на ее старенькие туфли.

– Огромное спасибо, – демонстративно поблагодарила Алла и одернула подол. Хоть почти последние деньги пошли на креатив, подачку она брать не собиралась. – Как-нибудь обойдусь.

– Максим Леонидович, – выступила Татьяна, – у вас щека в чем-то испачкана.

– Да, – зловредно подтвердила Алла, – вы весь в губной помаде.

– Что он еще классно делает? – засмеялась Синицына, когда смутившийся начальник вышел.

– Да, – вздохнула Алла, – я финансово не состоятельна. Мне нелегко тягаться с Эммой.

– Ничего, – принялась ее успокаивать Татьяна, – когда-нибудь он ей надоест, а тут раз – и ты. Или Машка, она более расторопная и наглая. Емельянов такой же мягкотелый, как и ты. Два сапога – не всегда пара. Кстати, туфли-то себе купи новые. Видно, сильно запачкал себе карман, раз так переживался.

Алла вернулась к себе в комнату под непрекращающуюся трель звонка. Тот, кто звонил, был очень настойчивым. Конечно, этим упорным типом оказалась генеральная директриса, потребовавшая немедленно Емельянова к аппарату. Алла ответила, что шефа нет у себя. Куда он отправился, не

поставил в известность. Ей так хотелось сказать, что он пошел в туалет смывать помаду, но сдержалась. Кто знает их отношения. Вдруг Емельянов никакой не хозяин здесь, и Эмма сама уволит Аллу за дерзость. Но та, похоже, лишать работы ее пока не собиралась, наоборот, подкинула забот. Она потребовала срочно найти Максима и передать ему, что место вечерней встречи переносится. Алла пообещала все обязательно передать. А что она ожидала? Да, они целовались сегодня, после чего решили сходить в ресторан. Как будто, кроме Емельянова, той больше не с кем таскаться по ресторанам. Вцепилась в него мертвой хваткой: утром она с ним, в обед – к нему, так еще и на вечер строит совместные планы! Сейчас, держите карман шире, она все расскажет, она им эту встречу организует. Да ни слова не скажет! Пусть ждут друг друга: он у аптеки, а она в кино. А завтра на том же месте в тот же час.

Хорошо, что врать Алле не пришлось – после обеда Емельянова след простыл. Искать его она не собиралась. Никто толком не знал, чем увлекается их новый начальник, кроме тренажеров. С чистой совестью Алла дождалась окончания рабочего дня и направилась домой. В лифте Татьяна принялась рассказывать ей про своего Толика, по принципу «скажи мне, кто твой друг...» Получалось, что Толик у нее золотой парень и все его друзья – такие же. Алла разглядывала кабину лифта, где она ночью танцевала танго с Максимом и улыбалась. Завтра она обязательно скажет ему что-нибудь

приятное. А еще лучше, если они вдвоем застрянут в лифте, и... Двери раскрылись, как всегда, не вовремя, помешав Алле дофантазировать остальное.

На улице фантазии развеяло ветром, как пушинки с белых одуванчиков. Реальность больно ударила лысыми одуванчиками по мозгам: у подъезда их офиса Емельянов раскрывал дверцу своего автомобиля и подсаживал туда Машку из рекламного отдела! Алла, как вкопанная, замерла посреди улицы. Шеф, радостный и довольный, юркнул за Машкой следом и захлопнул дверцу с тонированными стеклами. Машина загудела и сорвалась с места. Алла не верила своим глазам: Емельянов собрался изменить Эмме?! Значит, все это чушь про мои года, мое богатство. Мужикам нужно молодое здоровое тело! Престарелых красоток побоку! Она ему докажет, что еще может нравиться молодым мужчинам. Где они, эти мужчины?! Алла обвела глазами округу, вдали маячила худощавая нескладная фигура Виталика Семенова, которому она всегда нравилась. Ну и что, что ему еще нет и тридцати, это даже лучше. Она тоже выглядит не на свой возраст, ее всегда незнакомые люди называют старшей сестрой Аленки, а не мамой.

– Ну и что? – глубокомысленно поинтересовалась Татьяна, толкая подругу в сторону своего мелкого красного «Матиза». – Ничего особенного. Человек решил сделать доброе дело, подвезти сотрудницу. Может, им по пути? Так я скажу Толику, чтобы он приводил друга в воскресенье? Я пирогов

напеку.

Алла сжала губы и отрицательно покачала головой. Сдаваться она не собиралась. Недаром ей приснился такой провокационный сон, ох, недаром! Судьба сама подсказывает – нужно действовать, чтобы что-то получить. Всегда и всюду, даже в лифте. Вот если завтра они застрянут, то Алла ему устроит такой компромат! Что там туфля, она скинет с себя всю одежду! И пусть потом оправдывается, что он ни при чем. Она задумалась над завтрашним гардеробом, скидывать нужно не просто вещи, а сущий гламур! Она залезет в заначку, которую собирала для отпуска, и потратит ее на эксклюзив. И купит себе новые туфли. Алла вздохнула, к морю они собирались ехать втроем. Если она потратит деньги на тряпки, то лишит своих детей летнего отдыха. Она вздохнула и села к Татьяне в машину, им действительно было по пути.

Затарившись в супермаркете по полной программе, Алла потащила продукты к дому. Возле подъезда, как обычно, сидели словоохотливые старушки и переживали за своих соседей. Доставалось каждому, кто проходил мимо них, оттого жители дома ныряли в свои подъезды, как перепуганные лягушки в тину пруда. Алла прибавила было шаг, но с тремя пакетами и дамской сумкой за спиной бежать было практически невозможно. Ничего не оставалось, как пройти мимо престарелых дам с гордо поднятой головой. Пусть позубокалят, она им отвечать не станет.

– Аллочка, – проскрипели хором те, едва завидев ее на

углу дома, – а твои уже сидят в квартире, тебя дожидаются. Или не ждут совсем, к чему ты им нужна? Разве что пожрать сварганишь? Им по молодому делу одним небось посидеть хочется, срамотой всякой заняться. Аллочка, чего молчишь? Картошечку по какой цене покупала? Она у тебя китайская, как и сумка? Ты что, патриотка далекой республики? Или у тебя брак с ихним басурманом намечается? Тамара Геннадьевна видела, как тебя иностранец подвозил...

– Он, между прочим, швед, а не китаец, – не выдержала Алла, поравнявшись со старушенциями. – А картошечка, бабушки, молодая, кубинская. Сейчас нажарю с луком, пальчики оближешь. «Чтоб они слюной захлебнулись», – подумала Алла и, пожелав им доброго вечера, потопала к лифту.

Жарить ей ничего не пришлось, на кухне царствовал Антон, и оттуда по всей квартире разносились умопомрачительные запахи. Алла сглотнула слюну и скинула плащ и туфли.

– Ой! Аллочка пришла! – Из ванной комнаты выскочила дочь, чмокнула ее в щеку и побежала в свою комнату. – Выглядишь потрясно, тебе идет! Внизу объявление повесили: в семь часов отключат горячую воду. Так что поспеши.

Мельком взглянув на часы, Алла побежала в ванную, у нее оставалось целых полчаса. Но нужно было спешить. Быстро раздевшись, она забралась под душ и блаженно закрыла глаза.

– Пусенька! Лапусенька! Твой ежик принес тебе наливное

яблочко на золотом блюдечке.

Алла улыбнулась. Так вот, как они общаются друг с другом, когда остаются одни. А при ней все слишком официально. Наверняка, Антон приготовил что-то вкусное и тащит свое яблочко своей Лапусе.

– Лапуся! Я обижусь, если ты не съешь, – игриво продолжал зять, открывая дверь в ванную комнату, которую Алла, спеша в душ, забыла закрыть на защелку. – Съешь кусочек, поцелую разочек, – пел Антон.

Алла открыла глаза и с ужасом увидела, как открывается дверь. Крик застыл у нее в горле, руки задеревенели. Она еще ни разу не оказывалась в таком дурацком положении. Конечно, не считая того, что в первое время забывала, что у них проживает Антон, и закрывала утром его на два замка. А ночью пару раз спросонья забегала к дочери, когда та, как ей казалось, стонала от боли. Был еще один вопиющий случай беспамятства, когда теща забыла зятя на балконе. Тамара Геннадьевна вызвала милицию, подумав, что к Хрустальевым забрался вор, те долго разбирались, что к чему, в результате чего весь дом оказался в курсе гражданских отношений ее молодых.

– Лапуся! – произнес Антон и опешил.

– Тебе тоже доброго вечера, – улыбнулась Алла, прячась за прозрачную занавеску. – Курсовую сдал?

– Добрый вечер, – ответил воспитанный Антон, прижимая к груди поднос с яствами. – Сдал, спасибо, что вспомнили.

Профессор такой въедливый мужик оказался.

– Сложная курсовая? – Алла, делая вид, что ничего не случилось, продолжала намывливать себя мочалкой. Она пыталась закруглить разговор на более интеллигентной ноте. Не кричать же ему, что он идиот. Зачем притащился, мог бы и постучать.

– Сложная, – кивнул покрасневший Антон и принялся переминаться с ноги на ногу. – Инвестиционная политика в системе рыночных отношений.

– Надо же, – покачала головой Алла, – какая интересная тема. И сколько получил? – Кто ее тянул за язык? И чего он стоит, как истукан? Ах, да. Она же его спросила. Но мог бы догадаться, что она поддерживает с ним разговор только из приличия.

– Пятерку, – с удовольствием сообщил тот. – Можно, я пойду?

– Да, конечно! – обрадовалась Алла. – Иди. Заходи еще, если что. – Что она говорит?! Алла закрыла рот рукой. Более глупого положения в ее жизни еще не было, не считая туфли в кармане Емельянова.

– Тошка! Тошка! – раздался крик дочери. – А ты что тут делаешь? – поинтересовалась она после того, как тот пискнул в ответ. – Мамуль, тебе спинку потереть?

– Спасибо, спасибо, дорогие мои, – Алла нервно намылила себе лицо. – Сама как-нибудь. Мы тут, – она задумалась, как бы оправдаться, – говорили. Про отношения. Антон мо-

лодец! Ты, я надеюсь, тоже курсовую сдала на пять баллов?
– Аллочка, может, поговорим позже? – усмехнулась дочь и вытащила своего Тошку из ванной.

Алла обессиленно опустилась в ванну и полила себя водой из душа. Она никогда не научится жить под одной крышей с зятем. Для нее это было существо неизвестного рода: с одной стороны, вроде бы мужчина, а с другой стороны, второй ребенок. По крайней мере, она старалась вести себя с ним, как с ребенком. Получалось отвратительно.

Глава 2

Как-то не думаешь, не думаешь, вдруг раз – и беременна

Следующий день не принес ничего хорошего. Конечно, прическа была уже не та, она основательно пострадала под душем, а уложить утром волосы Алла не успела – готовила детям завтрак. Емельянов смотрел на нее, как на ископаемое чудище, каждый раз пуча свои пронизательные глаза. Эмма не приезжала, что было довольно странно, неужели голубки поссорились? Из-за нее не могли. Скорее всего, Эмма, так же как и Алла, уличила Емельянова в двойном флирте, и причиной ссоры стала Машка Галкина. Та весь день ходила с гордо поднятой головой и нагло усмехалась при встрече с Аллой, которой ничего не оставалось делать, как снисходительно качать головой, раскачивать туфлю она боялась. Но как только эти двое оказывались вместе в обозримом пространстве, Алла замирала и превращалась в истукана, ловя каждое движение шефа и молодой соперницы. Но ловить было нечего. Машка хоть и лыбилась Емельянову во весь свой запломбированный рот с отбеленными кривыми зубами, тот проходил мимо нее с каменным выражением лица. Ни единым знаком, ни единым жестом он не давал понять, что вчера между ними что-то произошло. Машка долго терпела по-

добное издевательство, после чего решила действовать наскоком – заскочила после обеда в его кабинет. Сколько Алла ни прислушивалась, из-за толстенной двери не проникало ни одного вразумительного звука. Зато Машка вышла оттуда чрезвычайно довольной, усмехнулась Алле и прошла мимо нее походкой победительницы. В этот момент Алла жутко захотела, чтобы в «Меченосец» прибыла генеральная директорша и облобызала Емельянова своей вязкой, неустойчивой ярко-красной помадой.

Все стало ясно после того, как Емельянов перед своим уходом бросил Алле:

– Я зайду в производственный отдел, передайте, Алла Викторовна, будьте так любезны, Марии, чтобы она спускалась к моей машине.

Он назначал Машке свидание! Недаром в народе говорится, что наглость – второе счастье. Алла поднялась и на ватных ногах потопала к Татьяне. Та попыталась оправдать разумными доводами коварные Машкины действия, но все ее доводы отлетали, как горох, о непроницаемую стенку Аллочкиной ревности.

– Стерва, – всхлипнула Алла, – мало ей Виталика Семенова! Татьяна, ты мне поможешь.

План возник совершенно спонтанно и по глупости не уступал перевороту в отдельно взятой стране третьего мира. Татьяна позвала коварную Машку в туалет под предлогом: «Ой, пойдём скорее, я такое покажу!». Пропустив ее впе-

ред себя, она захлопнула дверь, из-за которой возникла Алла с приготовленной заранее шваброй Веры Ивановны. Они закрыли дверь на швабру и принялись караулить с обратной стороны. Машка, по всему видно, особа довольно несообразительная, подождала минут пять, после чего попыталась безрезультатно открыть дверь. Дернувшись, как птица в клетке, Галкина слабо позвала на помощь. Алла довольно ухмыльнулась и подмигнула Татьяне. Та заняла у туалета оборону и принялась караулить разлучницу, пока Алла сбегала вниз к машине Емельянова.

Первым попытался прорвать занятые рубежи начальник производства Сан Саныч Тимошкин. Приплясывая на ходу от нетерпения, перед этим он выпил пару литров холодного пива, Тимошкин доскакал до туалета и увидел возле него необычную картину. Синицина караулила дверь, закрытую на швабру, и никого туда не пускала.

– Пардон, мадам, – попытался прорваться Тимошкин, – позвольте, так сказать, совершить естественные надобности.

– Не позволю, – заявила та, закрывая дверь своим могучим телом. – Там... это!

– В каком смысле? – не понял Тимошкин, переминаясь с ноги на ногу.

– В инопланетном, – ляпнула Татьяна, но, заметив заинтересованную реакцию Тимошкина, решила и дальше придерживаться этой версии. – Слышишь? Завывают! – Из туалета послышался слабый вскрик страдающей Машки, которая не

кричала только оттого, что боялась быть жестоко осмеянной.

– Странно, – Тимошкин почесал затылок. – Очень странно.

– Вот и я о том же. Нормальный человек бы орал.

– Орал? – не понял начальник производства. – Зачем ему орать?

– Как зачем? Потому что его закрыли, – и Татьяна указала на швабру. – Я закрыла, – доверительно сообщила она, – зашла, как и ты, по естественным надобностям, а там оно! Сидит все такое синее-синее.

– Что гуманоиды выдают! – изумился Тимошкин. – И где? В туалете. Никогда бы не подумал. Придется бежать вниз к плановикам. Если оно там действительно сидит, – он зашептал ей на ухо, – то я вернусь и прибью эту нечисть.

Татьяна сурово кивнула ему головой, крикнула вслед: «Но пасаран!» – и, когда тот скрылся на лестнице, покрутила у своего виска. Тимошкин, по ее мнению, являлся типичным представителем недалекого мужского населения планеты и избыточным умом не обладал. Кроме производства металлических конструкций, он знал назубок только то, что все бабы – дуры, и страдал от этого неимоверно, потому что в его жизни все было с точностью до наоборот.

Следующей приспичило главбуху – в силу ее возраста, а не количества выпитого пива. Но тем не менее легче ей от этого не было. Татьяна схватилась за швабру и заявила, что туалет оккупировали инопланетяне. Валерия Витальевна Го-

Голубкина была дамой старой закалки и в инопланетные существа нисколько не верила. Даже после того, как она приложила ухо к замочной скважине и послушала, как инопланетяне тихо завывают в туалете и лазают по полкам с причиндалами уборщицы Веры Ивановны в поисках запасного ключа. Холодный мозг главбуха трезво рассудил, что существо может оказаться человеком. Скорее всего, судя по гроыханию, одноклазым бомжом, забредшим в их туалет в поисках алюминиевых тазиков для последующей сдачи их в пункт сбора цветных металлов. Валерия Витальевна рассказала Татьяне леденящую душу историю дачных ограблений, в результате которых ее дачный домик подвергся нападению бездушных «металлистов» и остался без единой кастрюли и ложки. «У них, – Валерия Витальевна трясла пальцем в воздухе, – нет ничего святого! Даже в таком месте». Пообещав сбежать этажом ниже и обязательно вернуться, Голубкина посеменила к лифту. Татьяна пожалала плечами: она не поняла, какое конкретное место та имела в виду. Грустно поглядев в сторону закрывающегося лифта, Синицына ощутила муки совести. Если лифт застрянет, то Валерии Витальевне очень не повезет.

Но дружба всегда проверяется в беде. А в том, что у Хрустальной случилась беда, Татьяна нисколько не сомневалась. Ее подруга влюбилась. И в кого?! В собственного начальника. В смазливового бездушного красавчика. Такое лично ей не могло присниться даже в самом жутком сне. Она поправи-

ла швабру и присела на корточки, опершись на туалетную дверь. Пока ее помощь подруге нужна, она сделает все, что сможет.

Алла тем временем крутилась возле автомобиля Емельянова, высматривая его подтянутую фигуру среди выходящих из здания. Ей следовало сделать вид, что она оказалась рядом с его машиной совершенно случайно, об этом они с Татьяной позаботились заранее. Та поставила свою маленькую машинку рядом с его серебристой иномаркой. Емельянов не заставил себя долго ждать. Он легко сбежал по ступенькам и через секунду был на парковке.

– Алла? – искренне удивился он. – А где же Мария? Вы ей сказали, что я ее подвезу?

– Конечно сказала, – не моргнув глазом соврала та, – по видимому, у нее изменились планы. Я поняла, что она собирается идти ужинать вместе с Семеновым.

– Ужинать? – снова удивился доверчивый Емельянов. – А как же ее больная бабушка? Она просила меня подвезти ее до больницы, чтобы успеть передать горячий бульон немощной старушке.

– Думаю, – процедила Алла, которой все сразу стало ясно, – что вы, к сожалению, опоздали. Старушке уже ничем нельзя помочь. Ей без разницы температурный режим приготовленных блюд, да и всей погоды в целом. Она и без бульона чувствует себя прекрасно, – Алла подумала и добавила: – На кладбище.

– Так я опоздал?! – расстроился тот, схватившись за свой интеллигентный лоб.

– Да, – ответила Алла, – на полгода. Последнюю свою бабушку Маша похоронила прошлой осенью, когда отпрашивалась на десять дней, чтобы поплакать на ее могилке.

– Так может быть, это была другая бабушка? – мужская логика не сдавалась.

– Пяток других бабушек благополучно закончили свои дни еще прошлым летом, когда у Марии не клеился очередной роман. – Алле стало стыдно за то, что она выдает женские тайны, хоть и тайны соперницы. – Возможно, это какая-то двоюродная бабушка...

– Возможно, – кивнул головой Емельянов и неожиданно поинтересовался: – А вы, Алла Викторовна, кого-то ждете? – Алла испуганно замотала головой с запада на восток и обратно. – Вас подвезти? Если Мария в самом деле собралась ужинать, а бабушка совсем не бабушка, а могилка... – Емельянов неловко подтолкнул ее к дверце автомобиля. – Я думаю, нам по пути. Во всяком случае, я надеюсь, что вас довезу.

– Знаете ли, – сказала Алла, поглупев от неожиданного, но столь долгожданного предложения, – я тоже на это очень надеюсь. Меня все-таки, знаете ли, дети дома ждут.

– Дети?! – чему-то обрадовался Емельянов, усаживаясь за руль. – Дети – это прекрасно. Я люблю детей. А сколько их у вас?

– Кого? Детей? – Алла поглядела на него и поперхнулась. Разве об этом нужно говорить с мужчиной, который снится тебе по ночам в эротических снах?! – У меня один детей. Дочь – ребенок. Ах, что я говорю, – спохватилась она, – забыла, как всегда. У меня их двое: дочь и сын, вроде бы.

– Забыла? – недоумевал Емельянов. – А, ну, конечно, такая мелочь.

– И не говорите, – махнула рукой Алла, – что мы все о детях да о детях. Кстати, а у вас есть дети?

– Нет, – честно признался тот, – как-то не успел. Работа, все работа. Сначала учился, потом так и не женился. А о детях и не думал.

– Не переживайте, – обнадежила его Алла, – от них никто не застрахован. Как-то не думаешь, не думаешь, вдруг раз – и беременна.

– Что вы говорите? – посочувствовал Емельянов, – у меня было по-другому.

– Конечно, – ответила Алла, – вы же мужчина. – Что она несет?!

Алла закрыла глаза и попыталась прийти в себя. Емельянов, воспользовавшись паузой, выехал со стоянки.

Татьяна убрала швабру только после того, как ее мобильный телефон затрезвонил «Муркой». Это был условный сигнал. Алла должна была позвонить, как только уладит все дела с Емельяновым. Что у нее с ним произошло, Татьяна не знала, но раз подруга дала отбой, значит, все было в порядке.

Освободив дверь, Татьяна на цыпочках, стараясь не цокать по полу каблуками, побежала в свой кабинет.

Машуня не сразу догадалась, что свобода уже ждет ее у входа. Она еще немного повозилась на полках Веры Ивановны, опрокинула на себя какой-то чистящий порошок, от всей души чертыхнулась, размазала его по лицу и только собралась направиться к умывальнику, чтобы помыть лицо, как дверь скрипнула. В небольшую щель уставилась встревоженная физиономия Тимошкина.

– У, чудовище! – испугался он и захлопнул дверь, придерживая ее с обратной стороны собственным телом. – Точно – неземное существо, – он повернулся к подошедшей Валерии Витальевне: – Как я и думал, в юбке!

– Что там? – поинтересовалась та. – Одноглазый бомж?

– Баба там, – прошипел Тимошкин, не отпуская дверь. – Синяя.

– Диетчица, что ли? – прошептала бухгалтерша, отстраняя его от двери. – Дайте взглянуть! Наверняка, она тырит алюминиевый тазик!

Тимошкин нехотя пододвинулся, и она просунула голову в приоткрытую дверь. Ее взору предстала объемная задняя часть тела, склонившегося над умывальником. Тело издавало волнующие звуки и фыркало.

– Гадость какая, – стряхивая воду с рук, сказала самой себе Маша в зеркало. – Въедливая, зараза!

Валерия Витальевна быстро прикрыла дверь и пожалова-

лась Тимошкину:

– Это Галкина, она ругается. Меня назвала въедливой заразой! Нет, вы только представьте!

– Чего тут представлять? – не удивился тот. – Вы и есть въедливая. То есть я хотел сказать...

Договорить он не успел, распахнувшиеся двери ударили начальника производства по лбу и заставили замолчать. Конечно же, не навсегда. Он тихо осел у стены. После того как из туалета выскочила Машка и побежала в сторону кабинетов, Валерия Витальевна схватила руку Сан Саныча и нащупала пульс. С ним было все в порядке, только владелец руки, несмотря на появившуюся тут же шишку на лбу, потребовал оказать ему срочную помощь в виде искусственного дыхания. Та попыталась сопротивляться, принялась жеманно намекать на порочную любовь и греховодные поползновения, но уходить не спешила.

Галкина ворвалась в кабинет к Татьяне, которая спокойно сидела за своим столом, и набросилась на нее с обвинениями. Татьяна изумленно подняла брови:

– Что значит ничего не показала?! Спроси у Тимошкина, он тоже видел в нашем туалете инопланетян. Они с обратной стороны держали дверь.

– Тимошкин с похмелья видит их каждый день! – визжала подбежавшая к окну Машка. – Все! Он уехал! – Татьяна хоть и догадалась, о ком страдала ее коллега, но вида не показала.

– Не веришь, спроси у Валерии Витальевны. Она видела

одноглазого гуманоида.

– Ах, так! – взвилась Галкина и выбежала из кабинета. – Валерия Витальевна! – закричала она на весь коридор. – Где гуманоид?! – Тимошкин в это время как раз признавался главбуху в своей неземной любви. – А! Так вот вы где, – уличила их Машуня. – И что же вы видели?

– Чудовище, – прохрипел Сан Саныч, проклиная наглуую девицу, разрушившую так хорошо складывающуюся амурную сцену. Он как раз, в прямом смысле слова, валялся в ногах у дамы своего сердца и надеялся на взаимность. Или хотя бы на искусственное дыхание.

– Одноглазое, – подтвердила Валерия Витальевна, с досадой глядя на Галкину.

Та заглянула на всякий случай в туалетную комнату, но заходить туда не стала. Не обнаружив ничего и никого, Маша недоверчиво прищурилась, покачала головой и направилась за своей сумочкой.

– Гадость какая, – хором сказали ей вслед сотрудники «Меченосца» и вздохнули.

– Вот там я и живу, – Алла показала на свой подъезд издали. Старушки на лавочке наострили слуховые аппараты и полезли в карманы за очками.

– Так, может, я подъеду ближе? – предложил Емельянов.

– Ни в коем случае! – испугалась Алла. – Не дай бог, увидят.

– Понимаю, – вздохнул тот, – у вас ревнивый муж.

– Что вы, – засмеявшись, отмахнулась Алла, – судьба миловала, нет у меня мужа.

– Значит, дети, – предположил Емельянов, останавливая автомобиль на углу дома.

– Тоже не угадали, – радовалась Алла, – детям сейчас не до меня. Они-то, наверняка, целуются!

– Что вы говорите? – удивился тот совершенно искренне. У Емельянова никогда не было ни сестры, ни брата, поэтому в особенностях поведения родственников он не разбирался. – У вас дружная семья.

– Семья? – вздохнула Алла, вспомнив о гражданских отношениях дочери с Антоном. – Я бы не назвала это семьей. Хотя, с другой стороны, сейчас все так живут. Ну, что я все о себе, да о себе. Вам, наверное, нужно домой ехать, к жене? – И она внимательно посмотрела в его карие глаза.

– Да меня тоже судьба как-то миловала. Я же говорил, – пожал плечами Емельянов.

Алла не углядела в его карих омутах ничего подозрительного и блаженно откинулась на спинку сиденья.

– Что вы говорили? – тихо переспросила она.

– Что я не женат, – доверчиво повторил Емельянов.

Алла едва сдержалась, чтобы не заставить его повторять это снова и снова. «Не женат!» – это лучшее, что может услышать женщина от того, кто за последние дни стал ей так дорог. «Не женат!» – лиричная мелодия для сотового телефо-

на. «Не женат!» – отличная характеристика любого начальника. Емельянов воспользовался моментом и быстро поцеловал ее в щеку.

– Что это было?! – очнулась Алла, и провела рукой по тому месту, которому достался поцелуй.

– Это? Так, – стал оправдываться шеф, – на прощание. До свидания, Алла Викторовна.

– До свидания, Максим Леонидович. – Алла открыла дверцу и отметила про себя, что стекла в автомобиле Емельянова тонированные. В следующий раз она позволит ему себя поцеловать в губы. Или поцелует его сама. В том, что у них будет следующий раз, она не сомневалась.

– Татьяна! – кричала она в трубку. – Он меня поцеловал! Представляешь?!

– Не представляю, – ответила та, – как можно целоваться с собственным начальником. По крайней мере, сама никогда не пробовала. Надеюсь, он это сделал искренне, от души.

– Искренне, на прощание, – согласилась Алла, скидывая плащ и заглядывая в комнату дочери. – Слушай, пока моих нет, я тебе все расскажу. Ты сейчас за рулем? Тогда слушай, но не отвлекайся. Мы ехали, ехали и наконец приехали.

– Очень интересно, – съязвила подруга. – А ближе к делу?

– Приехали и остановились, – Алла легла на диван в своей комнате и продолжила: – Остановились на углу, чтобы вредные старушенции не видели. Он у меня спросил про ревнивого мужа, я его – про жену. И знаешь, что он мне ответил?! –

она попыталась заинтриговать Татьяну.

Та вместо нескрываемого любопытства, которое должна была выказать любая нормальная женщина на ее месте, только буркнула равнодушно:

– Ну?

– Он мне сказал, что не женат! Представляешь?! Он не женат!

– Аллочка, возможно, для тебя это станет открытием, но все сотрудницы нашего «Меченосца» давно знали, что их начальник – холостяк. – Татьяна усмехнулась, у подруги от переизбытка чувств совсем поехала крыша.

– Я знаю, что все знали. Я тоже знала. Но он сам мне об этом сказал. А мог бы, между прочим, скрыть, промолчать, навести тень на плетень. Мужчины – они такие. А если признался, то, значит, доверяет. Вот тебе же он сам не говорил, что он не женат? Не говорил. И не потому, что не было повода.

– Понятно, – согласилась Татьяна, подруливая к супермаркету. – Давай про поцелуй рассказывай. Он тоже произошел в доверительной обстановке?

– Нет, это было как бы между прочим, перед тем, как мы сказали друг другу «до свидания».

– Ну, – протянула Татьяна, – это неинтересно. Как бы между прочим.

– Пойми, дорогая, – не сдавалась Алла, – он сделал это на уровне подсознания. Его поцелуй – рефлекторный порыв.

Как у собачек Павлова: когда они видят еду, у них вырабатывается слюна.

– Что ты хочешь этим сказать? – Татьяна остановила автомобиль. – Что ты для него – собачка Павлова? Или то, что, когда он глядит на тебя, у него вырабатывается слюна?

– Ой, я даже и не знаю. Но чувствую, что ему очень хотелось меня поцеловать.

– Ты поосторожнее со своими чувствами, не девочка. Кстати, о безмозглой молодежи. Галкина ушла злая, как оса. Я думаю, она еще попытается тебя ужалить. Так что лучше первое время делать вид, что между тобой и Емельяновым ничего не было.

– Так ничего и не было, – с горечью призналась подруга. – Но так хочется, чтобы все было!

– Займись чем-то дельным, помой пол, что ли. Только ни в коем случае не читай любовных романов на ночь. Контролируй эмоции и особо не мечтай. Мужики, вспомни, народец непостоянный.

Алла не стала мыть пол, она пошла на кухню. Антона, по всей видимости, сегодня с утра не было дома – кастрюли стояли нетронутые. Дочка говорила ей о том, что они вечером отправляются в гости к таким же гражданским супругам для обмена опытом. Те, правда, только начинали свою незарегистрированную жизнь. Когда вернутся молодые, Алла не знала, но есть хотелось именно сейчас. У нее всегда от волнения просыпался аппетит. Эти два рефлекса были взаимосвязаны:

волнение и аппетит. К ним приплетался еще и лишний вес, но Алла всегда набивала тревожный организм легкоусвояемыми низкокалорийными продуктами. Организму было все равно, чем его потчуют, лишь бы не пустовал желудок. Большой выбор таких продуктов был в магазине на соседней улице, куда Алла и отправилась. Проходя мимо старушек, она еще раз им улыбнулась, те молча кивнули головами и зашептались между собой. «Ничего, – подумала Алла, – я стану вести себя, как партизанка в тылу врага. Никто ничего не узнает! Пусть Галкина подавится собственным жалом». Довольная, она принялась напевать первое, что пришло ей на ум: «Я на тебе никогда не женюсь...» – возникшие ниоткуда слова заставили ее задуматься. Подсознание всегда подкидывает что-то такое, на что не обращает внимания сознание...

В магазине, остановившись возле низкокалорийных тортиков со взбитыми сливками, Алла уговаривала свой организм обойтись макаронами из твердых сортов пшеницы. Но на этот раз он сопротивлялся, как только мог, и требовал взбитых сливок. Глаза зацепились за пирожные, руки тянулись к торту. Денег хватало только или на торт, или на макароны с одним пирожным, но к ним еще можно было купить котлет, – неизвестно, накормят ли детей в гостях, вполне возможно, они вернуться оттуда голодными. Алла боролась сама с собой, требуя от желудка прислушаться к голосу разума. Но ее слух уловил совсем другие нотки.

– Максик, – говорил голос, – нужно выбрать для гостей торт. Как ты думаешь, какой лучше взять?

Алла затылком почувствовала опасность и боком попятилась за стойки с консервами, подальше от злополучной выпечки, которой ей теперь уже совершенно не хотелось. Оттуда, притаившись за банками с килькой, она принялась рассматривать обладательницу хорошо знакомого ей голоса. Сомнений не оставалось, торт для гостей выбирала Эмма. И она была не одна, за ней, как хвостик, таскался Емельянов! Парочка представляла собой довольно дружную, сплоченную жизнь и совместно прожитыми годами семейку, где знали все о вкусах друг друга и старались доставить друг другу удовольствие.

– Я же знаю, – говорил Емельянов, – что ты любишь «Пьяную вишню». Берем ее.

– А тебе всегда нравился банановый, – улыбалась Эмма, ласково глядя на Емельянова.

«Лучше бы подумали о гостях, – с тоской вздохнула Алла, – наберут чего ни попадя. Ах, банановый, ох, пьяная вишня. Дрянь дрянью». Те, как по команде, схватили оба торта и потопали дальше.

Аллочка была несправедлива. Эмма в принципе не могла топтать на высоченных шпильках. Ее стройная, приковывающая мужские взгляды фигура, скорее, плыла среди полок с низкокалорийными продуктами. Мужчины заинтересованно оборачивались ей вслед, округляли глаза, даже старались

своими нелепыми выходками удержать ее внимание. Один недалекий самец рассыпал перед ней пакет с мукой. Он добился того, чего хотел. Она на мгновение остановилась, окатила его равнодушным взглядом, перешагнула через горку муки и прошествовала дальше. Мужик довольно посмотрел ей вслед и цокнул языком. Эмма вела себя в магазине, как кинозвезда мировой величины. Она и по жизни чувствовала себя кинозвездой, появляясь в их офисе во всей своей царственной красе. «Мне бы такие деньги, – подумала Алла, – я бы тоже наделала себе подтяжек, липосакций и удлинила ноги». Удовлетворенно отмечая, что с грудью ей повезло, с ней ничего не нужно делать, она и так предмет зависти той же Галкиной, Алла прошествовала походкой Эммы мимо мужика с просыпанной мукой. Тот, оторвавшись от созерцания Эммы, обратил внимание на Аллу и также цокнул ей вслед языком. Это была практически победа. Алла доказала себе, что ничуть не хуже Эммы Королевой. Конечно, у той должность выше, средств больше, шансов на окучивание Емельянова целый вагон и маленькая вагонетка. Чем она и пользуется без зазрения совести. Он-то, наверняка, думает, как бы поскорее от нее избавиться. Уж она-то точно не родит ему детей. Как бы она ни пряталась за своим роскошным видом, года не скроешь. Скорее всего, Емельянов таскается с ней только из-за того, что Эмма его начальница. У Аллы это не тот случай, она бежит за Емельяновым не потому, что он ее начальник. Она в него влюблена с самого первого взгляда,

когда он только переступил порог кабинета. Как он на нее отреагировал? Молча. Он молчун. Сейчас вот ходит с Эммой и только отвечает на ее вопросы. Точно, он собирается от нее избавиться. Не мог он поцеловать Аллу просто так! А если это у него действительно заложено в подсознании – целовать всех подряд, кого он подвозит? Аллу пробил нервная дрожь. Она умрет, если это окажется правдой.

Чтобы убедиться в том, что он не поцелует Эмму при прощании, она пошла за ними в кассу. Прячась за спинами впереди стоящих покупателей, Алла быстро заплатила за макароны с котлетами и побежала к двери. Расставаться с Королевой Емельянов не собирался! Естественно, они же ждали гостей. Эмма и Максим сели в одну машину – емельяновскую – и покатали прочь. Перед этим, Алла не поверила своим глазам, Емельянов чмокнул Эмму в щеку.

Он целовал всех подряд, кто оказывался в его машине. И не только на прощание. Бабник! Наверняка, с Галкиной он не только целовался, оттого та так бесится и требует продолжения банкета. Но Эмма! Зачем ей этот тридцатисемилетний мальчик? Могла бы найти себе кого-нибудь постарше, чтобы он дрожал над ней и оберегал. Что у них там, среди генеральных директоров, нет обаятельных мужчин? Вцепилась в Емельянова бульдожьей хваткой и не отпускает от себя. Тот, бедолага, боится ей изменить и только целует всех подряд. Всех подряд... У нее возникла безумная идея. Оказывается, все можно легко проверить, и это она обязательно

сделает завтра. Раз он такой отзывчивый и подвозит кого ни попадя, она организует доставку уборщицы Веры Ивановны к ее якобы заболевшей бабушке. Пусть только попробует ей отказать! Она припомнит ему Галкину. А после того, как он отвезет Веру Ивановну и поцелует ее, все сразу станет ясно. Тогда Алла не станет тратить время на этого целовальника. Она найдет более достойную кандидатуру и начнет новый роман прямо перед носом у Емельянова. С ней или с ним? Ради мести можно пойти и на смену ориентации. Пусть рвет на себе волосы и таскается дальше за своей Эммой.

Глава 3

У нас проблемы. Бабушка Веры Ивановны подожгла школу!

Каждое утро, несмотря на погоду, Павел Павлович Смоленский бегал по дорожкам близлежащего парка. Он вставал рано, с птицами, которые начинали петь под его окнами с первыми лучами солнца. Как ни странно, в проливной дождь они не пели, а где-то прятались. Но Смоленский бегал и в проливной дождь. Он любил, когда холодные капли воды били в лицо, придавая ему бодрость духа и ожесточение, так необходимое для общения со студентами. В парке рано утром никого не было, Смоленский наслаждался одиночеством и предавался мечтам. Да, и у немолодого мужчины, предпенсионного возраста, есть свои мечты. У Смоленского была одна, и она всегда представляла перед ним в образе соседки по лестничной площадке Эммы Олеговны Королевой. Он «заболел» этой женщиной два года назад, когда купил новую квартиру, оставив старую бывшей жене. Открыл ключом свою дверь, поднял холостяцкий чемодан и услышал милое сердцу «Здравствуйте!».

Она стояла совсем близко, он вдыхал ее божественный аромат и терял последние остатки воли. Такое с ним случилось в первый раз. Увидел, услышал и полюбил. Как маль-

чишка, как неопытный юнец. Он, у которого было две жены и трое великовозрастных детей! Эмма жила рядом и не догадывалась, какая буря чувств бушует в груди ее соседа. Павел Павлович за два года ничем себя не выдал. С предметом своего обожания он был вежлив, предупредителен, внимателен, но не более. Погруженный полностью в топкое болото своей любви, он тем не менее трезво рассуждал, что такой женщине не нужен. Рядом с ней всегда находился один и тот же привлекательный мужчина средних лет, с которым ее, а это было видно невооруженным глазом, связывали нежные отношения. Мужчину звали Максим, у него была своя квартира, но он часто оставался ночевать у Эммы, и тогда сердце Смоленского разрывалось от ревности. Ему хотелось все бросить, кинуться к ее ногам и признаться в своих диких чувствах.

Павла сдерживал бег, холодный душ и сама Эмма, ни словом и ни взглядом не дававшая ему никакой надежды. Смоленский воспринимал этот удар судьбы как наказание за то, что он оставил свою вторую жену. Иначе поступить он не мог. Соня закрутила пылкую офисную любовь со своим молодым коллегой и забыла про приличия, мужа и детей. Те, хоть и жили отдельно от родителей, но развод отца и матери переживали остро. Как только молодой коллега, насытившись страстью, бросил Соню, та, неимоверно страдая, попыталась восстановить семью, но Смоленский не смог перешагнуть через измену и разъехался с ней. А тут пришла любовь.

Восстанавливать что бы то ни было он не собирался.

– Доброе утро, Пал Палыч! – С ним всегда здоровались собачники, вынужденные ранним утром гулять со своими питомцами.

В отличие от профессора, они тащились на улицу следом за своими боксерами и терьерами заспанные и недовольные. Но по мере того как просыпались, начинали радоваться жизни и наслаждаться прогулкой. Смоленский всегда встречался им в приподнятом настроении с неизменной улыбкой и являл собой приметку хорошего настроения и радости бытия. Среди собачников преимущественно были мужчины, но встречались и женщины, даже довольно хорошенькие. Они пытались заигрывать с бегуном, но натыкались на стену вежливого отказа и оставляли его в покое. Их собаки, привыкшие к Смоленскому как к неизбежности, уже игнорировали его и не пытались догонять, как в первые дни его пробежек. Одна из дам, правда, попыталась завладеть вниманием профессора, начав вместе с ним бегать по утрам, но это ни к чему не привело, и она смирилась. Смоленский обратил бы внимание только на одну бегунью – Эмму. Но та предпочитала салоны красоты и фитнес-клубы и бегать в проливной дождь не желала.

Павел Павлович, труся рысцей, поднял глаза на третий этаж. Там ее окна. Она еще спит и видит сны, в которых ему, к сожалению, места нет. Что ж, возможно, это к лучшему. В его годы обременять себя новой любовью слишком хлопот-

но. Скоро он станет дедом, у сына должна родиться дочь, и ему предстоят совершенно другие заботы. Да, скоро он станет дедом. Но любви, как сказал классик, покорны все возрасты. Он не будет в числе покоренных не потому, что не хочет сам, не хочет она, Эмма. Вон за той темной портьерой находится ее спальня. Вчера она привела с собой своего кавалера, к ним заявили гости, не дававшие Смоленскому своими разухабистыми песнями спокойно читать детектив. После того как все стихло и гости под утро отчалили, кавалер остался. Его машина, которую как раз обегал Смоленский, сиротливо поджидала хозяина у подъезда.

Такой красивой женщине, как Эмма, не нужен немолодой подтянутый профессор. Чем он может ее заинтересовать? Инвестиционной политикой в системе рыночных отношений? И что ему в голову пришел именно этот доклад? Его делал лучший студент курса Антон Медведев. Кстати, нужно будет сегодня с ним обсудить еще несколько постулатов экономической теории и поспорить. Дискутировать с ним чрезвычайно интересно, умный молодой человек. Да, с молодыми интересно всем. Смоленский последний раз кинул взгляд на окно Эммы и вбежал в подъезд. Никакого лифта! Только по лестнице, сейчас откроется второе дыхание, и он окажется у своих дверей. Вот она, заветная дверь Королевы. Совсем близко... и так далеко. Нужно заставить себя выбросить эту любовь из головы. Но чем дальше, тем глубже. Страшно себе представить, чем это все может закончиться. Что, если

как у Сони?

Алла ворвалась в офис, как угорелая кошка, и бросилась в кабинет к Емельянову. Тот, естественно, уже восседал за своим рабочим столом, но угрызений совести по поводу того, что начальник пришел раньше своей подчиненной, Алла не испытывала.

– Доброе утро, – она изобразила на лице улыбку и суетливо оправдалась, – я заглянула узнать, не нужно ли чего? – Хотя цель была совсем другая. Алла собиралась застучать Емельянова с Эммой и позвать Машку, чтобы та наконец-то поняла, кто на самом деле является их соперницей.

– Спасибо, Алла Викторовна, – улыбнулся в ответ Емельянов, – пока ничего не нужно.

«Не попадаться на удочку его очаровательной улыбки! – говорила себе Алла. – Он так улыбается всем подряд, после чего всех подряд целует, бабник!»

– Вы никуда не собираетесь ехать? – нагло поинтересовалась она, как будто Емельянов мог ей честно ответить, что да, он собирается отправляться на встречу с Королевой и намеревается провести с ней весь день и всю ночь. – Это я тоже спросила так, на всякий случай.

– Спасибо за заботу, – ответил тот, неотрывно разглядывая ее, – вам, Алла Викторовна, без этого, – Емельянов покрутил у себя над головой рукой, изображая ее креативную укладку, – как-то лучше.

«Подлизывается, – сообразила она, – хочет затуманить

мне мозги комплиментами. Не выйдет, дружочек!»

– Если вам нравится, – процедила она, – то я буду так ходить всегда. – Пусть думает, что рыбка попала в сети. Знал бы он, что сейчас устроит ему эта рыбка! Алла растянула рот до ушей и закрыла дверь с обратной стороны.

– Аллочка, – к ней пришла Вера Ивановна, – здравствуйте, дорогая. Что вы суетитесь? Неприятности?

– Еще какие, – призналась Алла. – Вера Ивановна! Вы должны мне помочь!

– Ради бога, милочка, если я вам действительно помогу, буду только рада. – Вера Ивановна была женщиной доброй, чуткой и отзывчивой. На это и рассчитывала Алла. К тому же приревновать ее к Емельянову было невозможно. Конечно, он ухлестывал за Эммой, которая была его старше, по крайней мере, на десяток лет, но Алла сомневалась, что он позарится на семидесятилетнюю старушку. Пусть еще даже бодрую и трудолюбивую.

– Вера Ивановна! – Алла схватила ее за руку, забрала швабру и отставила к стене. – Вы должны сказать Емельянову, что у вас заболела бабушка, и вам срочно нужно отвезти ей горячие макароны с котлетой. Их я захватила с собой, если что, разогреем в микроволновке.

Вера Ивановна закатила глаза к потолку и принялась что-то высчитывать.

– Вы же сами согласились мне помочь, – попыталась воззвать к ее состраданию Алла, – так что не прыгайте в кусты, а

ступайте к Емельянову и говорите про бабушку! Он падок на бабушек и всем верит. – Алла нисколько не сомневалась, что уборщица разжалобит начальника грустной историей болезни родственницы.

– Аллочка, – Вера Ивановна перевела глаза на Хрусталеву, – у меня нет бабушки.

– Какие проблемы? Скажите, что есть. Пусть это будет нашей маленькой тайной.

– Аллочка, – Вера Ивановна погладила ее по плечу, – успокойтесь и подумайте хорошенько, ну, какая у меня может быть бабушка?

– Больная, – утвердительно ответила та. – А еще лучше – при смерти, чтоб он быстрее согласился.

– Милочка, все мои бабушки давно скончались, – трагично произнесла Вера Ивановна, – а если бы хоть одна и задержалась на этом свете, то ей бы стукнуло лет сто десять, как минимум.

– Сто десять? – задумалась Алла. – А что? Это тоже вариант. Ну, хорошо. Пусть это будет не бабушка. Кто у вас есть? Внучка? Пусть у вас внучка попадет под автобус, и ей срочно понадобятся макароны.

– Аллочка, какие макароны под автобусом? К тому же врать про здоровье нехорошо, такое может приключиться на самом деле. Не дай бог. Хорошо, что внучки у меня нет. Максим Леонидович знает, что у меня два внука, – объясняла доверчивая старушка, не предполагавшая, что задумала

Хрусталева.

– Пусть ваши внуки, нет, не попадут под автобус, а сделают что-нибудь другое. Что они обычно делают? – Алла взволнованно перевела взгляд на дверь Емельянова, где послышалась какая-то возня.

– Они-то? – Вера Ивановна обрадовалась возможности поделиться своими проблемами. – Они обычно школу поджигают или делают учителям мелкие пакости.

– Пусть сделают крупную! Не по-настоящему, а понарошку. Сейчас вы пойдете к Емельянову и скажете, что вас срочно нужно отвезти домой потому, что ваши внуки подожгли школу. Классная версия, заметьте, и от нее никто не пострадает.

– А как же школа? – недоумевала старушка. – Сгорит ведь.

– Пусть горит все синим пламенем, – махнула рукой Алла, – главное, что Емельянов довезет вас до дома на своей иномарке и... ну, что будет дальше, увидите сами.

– Емельянов меня на своей иномарке? – Вера Ивановна задумалась. – Никогда не ездила на «Мерседесах». Думаешь, Аллочка, можно прокатиться с ветерком?

– С ветерком, не знаю, но с начальником можно. Ничего же страшного не случится, если он вас довезет. Действительно, хоть прокатитесь.

Дверь кабинета Емельянова распахнулась, и на пороге возник он сам.

– Максим Леонидович! – кинулась к нему Алла. – У нас

проблемы. Бабушка Веры Ивановны подожгла школу!

– Что вы говорите?! – опешил Емельянов, уставившись на уборщицу.

– Ах, Аллочка, снова вы перепутали. Не бабушка, а внуки. Максим Леонидович знает, что у меня два внука, а моей бабушке, была бы она жива, стукнуло бы сто десять лет, – разъяснила та.

– Конечно, – обрадовался Емельянов, – а то я подумал, при чем тут бабушка?

– Бабушка здесь совершенно ни при чем, – убедила его Алла, – внуки подожгли. Вере Ивановне нужно срочно поехать и затушить, а то в школу, если от нее что-то останется, вызовут родителей ее внуков.

– Какая запутанная история, – пожал плечами Емельянов и предложил Вере Ивановне свою помощь.

– Он оказался таким же чутким и отзывчивым, как и Вера Ивановна, – вздыхала Алла, глядя из окна кабинета, в котором работала Татьяна, как пожилая дама грузится в иномарку Емельянова. – Бедняжка, она не знает, что ее ожидает.

– А что ее ожидает? – не поняла Татьяна, выглядывая из-за плеча подруги в окно.

– Если он полезет к ней целоваться, то, значит, он бабник, – поделилась своим выводом Алла.

– С чего ты взяла, что он полезет целоваться к Вере Ивановне?! – изумилась Татьяна.

– Я же тебе говорила, – недовольно пояснила Алла, – у

него поцелуи на уровне рефлекса.

– А, – припомнила та, – собачки Павлова. Станный выбор, могла бы проверить на Маше Галкиной.

– Сейчас, как же, побегу за Машкой. С Верой Ивановной мне будет спокойнее.

Зря она так сказала – после того как Емельянов отвез старушку домой и вернулся назад, Алла не находила себе места. Она посмотрела на его лицо, но никаких следов лобзаний на нем видно не было. К ее великому сожалению, Вера Ивановна помадой не пользовалась. Она вообще была дамой старой закалки и строгих норм морали. Алла знала, что та не допустит со стороны Емельянова никаких посягательств на свои честь и достоинство. Емельянов, не глядя на Аллу, пробежал к себе и скрылся за дверью. Алла схватила трубку и набрала номер Веры Ивановны. Если бы телефонные разговоры и впрямь прослушивались заинтересованными службами, то те бы подумали, что на данной линии развлекаются две сумасшедшие маньячки в юбках.

– Вера Ивановна? – Алла старалась говорить тихо, чтобы Емельянов не услышал через свою толстую дверь. – Вы на месте? Очень хорошо. Что делаете? Тушите школу, понятно. Что значит учительница по русскому и литературе получила страшные ожоги и переломы конечностей? А, она не любила ваших внуков и часто на них жаловалась. Я надеюсь, вы говорите о ней в прошедшем времени не потому, что она откинула свои переломанные конечности. Конечно, Вера Ива-

новна, мечтать никому не вредно. Что случилось с директором? – Алла выслушала все, что старушка думала про директора школы, и засомневалась в ее адекватности. Слишком близко та приняла к сердцу поездку с Емельяновым. Неужели он попытался над ней надругаться?! С него станет. Двудликий Янус! – Вера Ивановна, только между нами, признайтесь честно, не волнуйтесь, я никому не скажу. Вера Ивановна, вы целовались?!

Вопрос застал старую даму врасплох. Только она размечталась насчет внуков, как ей тут же напомнили о молодости. Хотя сегодня, сидя рядом с красавцем начальником, она вспомнила свою первую любовь. Он был так похож на Емельянова. Ах, как это было давно, ах, как они самозабвенно целовались на сеновале! Но почему этим интересуется Аллочка? Она впечатлительная женщина, видимо, ей хочется перебить свои неприятности приятными воспоминаниями других. Вера Ивановна подумала и рассказала той, что она вытворяла на сеновале, не упоминая всуе место и время прошедших событий.

Алла поджала губки и мужественно выслушала до конца. Вера Ивановна, по ее мнению, теперь могла дать определенную фору Машке Галкиной и научить ее совращать начальников. А она так надеялась на старую закалку и строгие нормы морали! Конечно, Алла понимала, что перед Емельяновым не сможет устоять ни одна нормальная женщина. Но Вера Ивановна, как она могла?

– Как вы могли, Вера Ивановна?! – повторила свою мысль вслух Алла. – Но я думаю, что Емельянов начал первый, когда полез к вам с прощальным поцелуем.

– При чем здесь Емельянов, – не поняла Вера Ивановна. – Никуда он не лез, просто довез меня до школы, я и пошла к директору.

– Так вы вытворяли этакое с директором?! – изумилась Алла, облегченно вздыхая, что Емельянов здесь совершенно ни при чем.

– Да не я вытворяла, а внуки, – Вера Ивановна подумала, что неприятности плохо отразились на психике Хрусталевой. – Они действительно чуть не сожгли школу. Пока мы ехали, мне позвонила дочь, сказала, что не может отпроситься с работы, я и пошла сама к директору. Спасибо, милочка, что вы организовали эту поездку, а то добираться мне до школы на трамвае целый час. А Максим Леонидович довез меня за пятнадцать минут. Передавайте ему от меня привет и огромную благодарность. И знаете что, Аллочка, плюньте на неприятности. Вы привлекательная женщина, вам еще обязательно повезет.

Но так думали далеко не все. Среди них первая была Маша Галкина. Утром она заявила к Алле и обозвала ее стервой. За что?! За то, что она со своей подругой из отдела закупок организовала прибытие гуманоидов в их офис. Алла поначалу восторгалась, решив, что приехал швед, но весть оказалась ложной, Машка имела в виду совсем другое.

– Это я-то стерва?! – возмутилась Алла. – Да по сравнению с тобой я просто ангел.

– Ангел?! Ха! Не забудь замочить свои крылья в отбеливателе, а то на них налипло много грязи, – не унималась специалистка по рекламе. Она бегала из угла в угол и заламывала руки. – Я все знаю, – кричала она на ходу, – он тебя подвозил! – Она сузила глаза и впиалась взглядом в Аллу.

– Ты еще не все знаешь, – многозначительно ответила Хрусталева.

Галкину перекосило.

Неизвестно, чем бы завершилась эта сцена женского безумия, если бы в офис не приехала Эмма.

– Явилась, не запылилась, – пробурчала Алла и уткнулась в бумаги. Ей не хотелось видеть, как Емельянов бегает вокруг своей начальницы и лебезит перед ней. Но увидеть и не пришлось. Окинув Хрусталеву ненавидящим взглядом, Королева улыбнулась Галкиной и скрылась в кабинете Емельянова. Машка села на стул возле Аллы и не двигалась все время, пока в кабинете общались двое: Эмма и Максим.

– Как ты думаешь, – миролюбиво поинтересовалась она, – что они там делают?

– Уж точно не над бумагами корпят, – разочарованно ответила Алла.

– Да, – вздохнула Галкина, – после этого он ходит весь зацелованный. Я сейчас досижу и обязательно погляжу на его лицо. Ты заметила, какая у нее помада?

– Дорогушкая, нам такая не по карману. Конечно, если и мы станем генеральными директоршами...

– Я о цвете говорю. Нужно запомнить ее цвет и сравнить. Вдруг, помимо Королевой, он целуется еще и с другими бабками. – Машка уставилась немигающим взглядом на дверь.

– А с тобой, – тихо спросила Алла, – с тобой он целовался?

– Когда?! – в сердцах вырвалось у Галкиной. – Первый раз, когда подвез, между нами ничего не могло быть. Будьте любезны, ах, спасибо большое. А второй раз вы мне с Татьяной все сорвали. – Она ехидно улыбнулась. – Зря старались, у него другая пассия. Слушай, Алла, давай заключим мировое соглашение. Как ты видишь, мы должны отныне действовать сообща против этой захватчицы. – Она кивнула в сторону двери. – Если нам удастся отбить у нее Емельянова, то поделим его по справедливости.

– Это как? – заинтересовалась Алла. – Ноги тебе, а голову мне?

– Фу, как банально, – надулась Машка. – Пусть он выберет одну из нас. Только чур, действовать открыто, без гуманоидов!

– Я-то не против, – пожала плечами Алла, – я полностью «за», но, сама видишь, миссия из разряда невыполнимых. Если он бросит Эмму, то она выгонит его с работы. Циклический процесс, замкнутый круг. Потому, мне кажется, он ее никогда не бросит, чтобы не лишиться такого ценного места.

– Но много чего можно предпринять. – Машка склонилась

над столом бывшей соперницы. – К примеру, мы можем организовать Эмме встречу с обольстительным красавчиком, в которого она влюбится и потеряет голову. Емельянов станет свободным и сохранит свое место.

– Но где его взять, этого обольстительного красавчика? – задумалась Алла.

– Никто не говорит, что они валяются под ногами, как переспелые яблоки. – Машка откинулась на спинку стула и тоже задумалась. – Я знаю одного! Нас спасет Виталик Семенов! А? Здорово я придумала?

– И чего в Семенове обольстительного? – недоумевала Алла.

– Во-первых, молодость, – подняла палец вверх Машка, – а Эмма любит молодых, судя по Емельянову. Во-вторых, определенная доля обаяния у Виталика есть. И в-третьих, если достать ему приличный прикид, то он может показаться некоторым дамам вполне привлекательным.

Алла представила вихрастого Виталика Семенова в зала-танном свитере с ободранными по последней моде джинсами. Обаять Королеву он не сумеет точно, та не купится на его ободранную молодость.

– Ему нужно сделать нормальную стрижку, – подсказала Алла, – я знаю, кто сделает на его голове современный креатив.

– Точно, – согласилась с ней Машка. – Сделаем креатив, приоденем и бросим его под поезд, то есть под Эмму. Кто из

нас им займется? Ты, конечно же, отказываешься. Все-таки, что ни говори, а возраст дает себя знать. Нет, я не спорю насчет креатива, но все остальное лучше сделаю я сама.

– Делай, – согласилась Алла, решительно кивнув головой. И нисколько не обиделась на замечание о возрасте. Что есть, то есть, от этого никуда не денешься.

Эмма выплыла из кабинета Емельянова чрезвычайно довольная собой и жизнью. Или Емельяновым, на лице которого вновь запечатлела свою помаду. На сидевших сотрудниц она не обратила никакого внимания, словно они были пустым местом.

– До вечера, Максик, – пролепетала она, нежно глядя его по лицу.

– До вечера, – ответил Емельянов, недовольно нахмурившись, и отвел ее руку от своего лица.

Галкина толкнула Хрусталеву в бок. Первые признаки того, что Эмма надоела Емельянову, были налицо.

Смоленский возвращался домой после напряженного рабочего дня, не разглядывая в окно своего автомобиля длинноногих барышень. У него не было такой привычки. К тому же девицы ему не нравились в принципе. Как показала многолетняя практика его преподавательской деятельности, они все как одна были довольно глупыми. Даже у Антона Медведева жена, или кем она ему приходилась, была недалекой особой. Сегодня он наконец-то поставил ей по курсовой ра-

боте четверку, и эта оценка по большей части принадлежала Антону, вернее, была данью уважения учителя к ученику. «Бедный парень, – думал профессор, – неужели ему придется прожить всю жизнь с этой Хрусталевой? Она же ничего не смыслит в экономической теории». Его обожаемая Эмма наверняка могла сказать пару умных вещей по этому поводу. Как-то раз они встретились в подъезде, и он от неожиданности уронил книги. Эмма помогла ему их поднять, при этом она заинтересовалась «Искусством торговать» Хопкинса и попросила дать книгу почитать. Смоленский сделал щедрый жест, он ей Хопкинса подарил. Эх, пожелала бы она еще что-либо, и он бы кинул к ее ногам всю свою библиотеку. Но до сегодняшнего дня соседка больше ничего не просила и обходилась своим Максимом.

Сердце екнуло при виде знакомой машины, заглохшей на соседней с домом улице и мигавшей огнями аварийной остановки. Смоленский пригляделся: так и есть – ее! Бывает в жизни справедливость! Он подрулил ближе, припарковался у обочины и направился к соседке.

Эмма, довольно опытная водительница, не понимала, в чем дело. Машина заглохла неожиданно, несколько раз крякнув о какой-то неисправности. А в салоне обещали, что ближайшие два года с ней не будет никаких проблем! Она лихорадочно крутила ключом в замке зажигания, но автомобиль не подавал признаков жизни. Эмма растерянно огляделась по сторонам. Водители, скопившиеся в заторе, посте-

пенно начинали терять терпение. Сейчас они обнаружат, что за рулем не первой молодости блондинка, и пиши пропало: вызовут ГАИ, те кинутся проверять ее водительское удостоверение, обязательную страховку, которую она так и не успела оформить... Эмма полезла в сумочку за мобильным телефоном. Сейчас она позвонит Максиму, если он сразу поедет к ней, то будет здесь только через час, а то и через все два: в это время в городе страшные пробки. Сколько раз она говорила себе, что нужно взять водителя! Сейчас бы бросила на него машину и перехватила такси. Максим прав, ей нужно отдохнуть от руля. Эмма нажала на сотовом кнопку вызова, и тут словно из-под земли вырос ее сосед по лестничной клетке. Она даже не знала толком, как его зовут. Фамилия у него была довольно звучная. Эмма поднапрягла память и вспомнила – Смоленский. Но это ничуть не облегчало задачу общения. Она улыбнулась и развела руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.